

кир Иеремии, и пришед протопоп, сказа вься по дробну святейшому митрополиту Иеремии, яже о святем мученице».¹²

Оставим в стороне разыскания общности отдельных обстоятельств и выражений: эти случаи указывают скорее не на взаимозависимость двух житий, а на общие агиографические места, агиографические шаблоны, присутствующие обоим произведениям. Более важное значение имеет антитурецкая тенденция, характерная и для русского жития, и для болгарского. Это дает нам основание считать, что афонские монахи Митрофан и Прохор, по-видимому, были знакомы с житием, написанным попом Пейю, а через их рассказ оно в известной мере послужило косвенным источником для псковского монаха Ильи. Они могли прочитать житие, написанное попом Пейю, во время своего пребывания в Софии, но вероятнее всего это произошло на Святой Горе. В. Григорович сообщает, что видел в Хиландарском монастыре рукопись с житием Георгия Нового.¹³ Архимандрит Леонид также упоминает о сборнике XVII в. в Хиландаре, в котором находилась служба в честь Георгия Нового «иже въ Сардакии».¹⁴

Задача в данном случае не в том, чтобы указать на возможное влияние болгарского произведения на произведение русской литературы XVI в. Мы хотим лишь обратить внимание еще на один факт близких отношений между болгарской и русской литературами после XIV в. Заслуживает внимания то обстоятельство, что одна из важных тем болгарской литературы времени турецкого владычества — насилия турок и сопротивление болгарского народа постоянным попыткам омусульманить его — нашла отражение и в произведениях русских писателей. При разработке этой темы болгарские писатели, исходя из традиций школы Евфимия, вносили в этот жанр некоторые новые элементы, приближали литературу к жизни народа. Еще А. И. Яцимирский, проводя параллель между русским житием Георгия Нового, написанным псковским монахом Ильей, и житием Иоанна Нового Белградского, написанным Григорием Цамблаком, показал, что оба автора пишут в традициях Евфимия. Примечательно и то обстоятельство, что монах Илья пользовался тырновским правописанием.

Особого внимания в русском житии заслуживает очень подробное описание насилий турок, которые забирали в янычарский корпус христианских детей. Это описание имеет историческое значение и часто использовалось болгарскими историками. Его наличие в русском произведении свидетельствует об интересе, который проявляла русская общественность уже в XVI в. к судьбе болгарского народа, томившегося под турецким игом. Примечательно и то, что рассказ о трагической судьбе Георгия Нового, по существу, пользовался на Руси не меньшей, если даже не большей, популярностью, чем в самой Болгарии: русское житие Георгия Нового известно более чем в 15 списках, количество же списков болгарского жития, написанного попом Пейю, очень невелико.

Об интересе в Георгию Новому Софийскому в древнерусской литературе и об очень тесных русско-болгарских литературных связях в XVI в. говорит еще один любопытный факт — существование русской службы софийскому мученику, написанной русским книжником Василием.¹⁵ Текст русской службы не совпадает с известной болгарской службой Георгию

¹² Яцимирский, стр. 108.

¹³ В. Григорович. Очерк путешествия по Европейской Турции. М., 1877, стр. 30. Об этой рукописи см.: Sava Chilandarec. Rukopisy a starotiski chilendarsé. Praha, 1896, стр. 71, № 327.

¹⁴ Гласник, XLIV, стр. 279.

¹⁵ См.: Б. Ст. Ангелов. Стари славянски текстове. — Известия на Института за българска литература, VIII. София, 1959, стр. 247—286 (текст Службы по рукописи ГБЛ, № 397).